

Л. ШЕСТОВ

Умозрение и Апокалипсис

(фрагмент)

ХП

Одна из последних статей Соловьева называется «Понятие о Боге» и посвящена защите Спинозы, которого пр. Введенский обвинял в атеизме. Зачем понадобилось Соловьеву оправдывать Спинозу и каков смысл его защитительных речей? При жизни Спинозы, когда обвинения в атеизме и неверии грозили человеку большими опасностями, такого рода заступничество было бы понятно. Допустимо, что даже бесстрашный Спиноза употреблял в своих книгах слово Бог как щит против такого рода обвинения. Но в наше время ни Спинозе, ни его учению ничто не грозит, и даже статья пр. Введенского, как это признает и сам Соловьев, отнюдь не преследует цели очернить Спинозу.

Если все-таки Соловьев так горячо берет сторону Спинозы, то, очевидно, лишь потому, что чувствует в самом деле внутреннюю близость и глубокое сродство между идеями Спинозы и своим собственным религиозным мирозерцанием. Так оно и было, да иначе и быть не могло. Сам Соловьев рассказывает, что Спиноза был его первой философской любовью. Но, кроме того, Спиноза был первой философской любовью и тех вождей немецкого идеализма, которые имели такое влияние на Соловьева. Гегель и Шеллинг критиковали, правда, Спинозу — упрекали его в непонимании динамичности исторического процесса и г. д. Соловьев тоже повторяет эти упреки и часто тоже, как это было принято в его время, противопоставляет спинозовскому догматизму кантовский критицизм. Но все это существенного значения не имеет. Ни критицизм Канта, ни динамизм Гегеля не пошатнули философской позиции Спинозы и не помогли новой философии вырваться из власти его идей. Основная задача Спинозы состояла в том, чтоб противопоставить разумную истину — истине библейской. Он эту задачу выполнил с такой смелостью и с таким искусством, что, после него, никто из философов уже не пытался даже иначе «мыслить»: все были убеждены, что, как «доказал» Спиноза в своем «Теологе-политическом трактате», Библия не дает нам истины и даже не претендует на то, чтоб давать нам истину. Если вы спросите, как истина добывается, вы найдете в сочинениях Спинозы ясный, отчетливый и совершенно исчерпывающий ответ на ваш вопрос. Он вам скажет, что люди никогда бы истины не узнали, если бы не было науки математики, которая дает нам погтам *veritatem*,¹ и что он уверен в истинности своих утверждений потому же, почему всякий здравомыслящий человек уверен в том, что сумма углов в треугольнике равняется двум прямым. В своих философских изысканиях — касаются ли они частных или основоположных проблем — он следует только указаниям разума, в котором он видит единственного водителя по пути к истине. Тот, кто отвергает водительство разума, кажется ему жалким и презренным глупцом либо сумасшедшим. *Quam aram parabit sibi qui majestatem rationis laedit?* — восклицает он. Оскорбить, т. е. отказать в повиновении его величеству разуму, по Спинозе, смертный грех, и для человека, этот грех совершившего, нет и не может быть спасения. Самодержавие разума и безусловная, ни

Печатается по: *Лев Шестов. Сочинения. М.: Раритет, 1995.*

чем не ограниченная принудительность разумных истин — в этом весь Спиноза. Для него разум — прежде Бога. Что бы он ни говорил о *causa sui*, о *substantia*² и т. д., его Бог не есть Творец мира, а сам тварь — творение вечного, всегда себе равного разума.

Не знать этого о Спинозе, не видеть этого в Спинозе Соловьев, конечно, не мог, как не мог он не знать, что для Спинозы Св. Писание было одной из многих книг, в которой встречаются высокие нравственные поучения, но которая тоже полна возмущающими здравый смысл и даже иной раз нравственное чувство, явно вздорными и нелепыми рассказами. Никто из больших философов — с тех пор, как христианство стало признанной, даже господствующей религией в Европе — так резко и вызывающе не говорил о Библии, как Спиноза. Библейский Бог по свидетельству или, вернее, на суде разума, которому присвоена Спинозой высшая власть, есть, в лучшем случае, полезный для тупой и суеверной черни миф; он пугает ее угрозами страшных наказаний и соблазняет обещанием всяких наград — и это неплохо, т. к. чернь нужно держать в узде: *terret vulgus nisi paveat*.³ Но для философа принимать такого Бога и ждать истины от той книги, где о таком Боге рассказывается — величайший позор.

Один из наиболее страстных и убежденных последователей Спинозы, знаменитый Шлейермахер (Дильтей считал его величайшим протестантским теологом после Лютера) писал: «*nicht der hat Religion, der an die heilige Schrift glaubt, sondern welcher keiner bedarf und wohl selbst eine machen konnte... Von allem, was ich als das Werk der Religion preise und suchte, steht wohl wenig in heiligen Buchern*». И еще: «*Die Religion blieb mir, als Gott und Unsterblichkeit dem zweifelnden Auge entschwanden*».⁴ По его мнению, стремление большинства людей к бессмертию и тоска по бессмертию имеют своим источником лишь отвращение к тому, что составляет истинную цель религии. «Вспомните,— объясняет он,— что религия стремится лишь к тому, чтобы резко определенные черты нашей личности расширились и постепенно стирались в бесконечности, дабы мы, постигая вселенную, поскольку возможно сливались с ней; они же всячески противятся этому; они не хотят выйти из привычной ограниченности, они не хотят быть ничем иным, чем проявлением ее, и боязливо озабочены о своей личности; так что они дальше всего от мысли ухватиться за единственную возможность, которую им дает смерть, чтоб избавиться от этой ограниченности; наоборот — они боятся этого, они хотят взять ее с собой и за пределы этой жизни и стремятся разве к тому, чтоб приобрести более широковидящие глаза и лучшие члены тела... Но чем больше стремятся они к бессмертию, которого нет и которое они даже не могут мыслить — ибо как можно представить себе временное существование бесконечным? — тем больше теряют они то бессмертие, которое они всегда могут иметь, да при том теряют и смертную жизнь, отдаваясь мыслям, которые тщетно терзают и пугают их... Лучше бы стремились они уже здесь уничтожить свою личность и жить в Едином и во Всем. Кто приучился быть большим, чем он сам, тот знает, что он мало теряет, если теряет самого себя». Таким образом, «цель и характер религиозной жизни — не есть то бессмертие вне времени и за временем, точнее после нашего времени, но все же во времени, но бессмертие, которое мы имеем непосредственно в этой временной жизни и которое представляет задание — над ним же мы постоянно работаем. В конечности бытия объединиться с бесконечным, быть вечным в каждое мгновение — в этом бессмертие религии».

В приведенных словах — итог философии Спинозы. Я нарочно предоставил слово Шлейермахеру, чтоб избежать нареканий и упреков в том, что я по-своему истолковываю Спинозу. Так же его воспринимал Лессинг, так же понимали его немецкие идеалисты — Фихте, Шеллинг и Гегель. Св. Писание не нужно, не нужен и живой Бог Св. Писания, с которым люди связывали свои надежды на бессмертие. У

Спинозы ведь сказано: *sentimus, experimurque nos aertemos esse*.⁵ И он же почитал, что высшим достижением нашим является *cognitio unionis quam mens cum tota Natura habet*.⁶ Разве можно оспаривать, что чувство единения с природой есть лучшее, чего можно желать себе? Или что испытывать вечность в каждое мгновение есть бессмертие религии? Это непререкаемые, принудительные истины. О том, кто установил непререкаемость этих истин, откуда их принудительная сила, строжайшим образом возбраняется спрашивать. Это значило бы совершить *laesio majestatis rationis*.⁷ Еще в большей мере повинен в том же всякий, кто дерзнул бы противопоставить вышеназванным истинам противоположные, кто, не довольствуясь вечностью во мгновении, стал бы добиваться действительного бессмертия или усмотрел бы высшее благо не в единении с природой, а в чем-либо ином. Конечно, на такое дерзновение способны только «самости», живые люди, такие, как Иов, о котором у нас сейчас шла речь, или Пушкин, или ап. Павел — словом, кто-либо из тех, кто, будучи создан по образу и подобию Божию, чувствует на себе благословение Творца и не соглашается видеть свое «назначение» в безропотном исполнении предписаний неизвестно откуда и когда пришедших законов. Шлейермахер, как Шеллинг и Гегель, отлично понимают, откуда грозит наибольшая опасность их умозрению или мирозерцанию и потому пользуются всеми находящимися в их распоряжении средствами, чтоб привести к молчанию и обессилить единственно возможного противника. Иов — личность, ап. Павел — личность, сам Бог Св. Писания — личность, все это есть нечто ограниченное, а потому несовершенное, все это, стало быть, нужно истребить, уничтожить. Если Иов оплакивал свои несчастья — это потому, что он не умел возвыситься над собой. Если ап. Павел говорил: «когда я боролся со зверями в Ефесе, какая мне польза, если мертвые не воскресают» (1 Кор. XV, 32) — это потому, что он не умел постичь своего единства с природой. Учитель же сказал: *non ridere, non lugere, neque detestari sed intelligere*.⁸ Сам Бог, которого в Писании называют люди своим Небесным Отцом и который принимает участие в наших скорбях и радостях, — есть тоже несовершенное и ограниченное существо — и, стало быть, подлежит истреблению и уничтожению.

Кто это внушил Спинозе? Кто решил, что нельзя ни плакать, ни смеяться, ни проклинать, а нужно только понимать? И что всякая личность предполагает ограниченность и несовершенство? В том то и все дело, что «понимать» — значит отказаться от всяких «кто». Не кто-то решил, а что-то решило, и даже не решило, а просто осуществило. Не решал же никто, что отношение окружности к диаметру есть постоянная величина или что сумма углов в треугольнике равняется двум прямым. Не решал тоже никто, что человеку полагается только понимать и нельзя ни плакать, ни смеяться, ни проклинать, что бессмертие религии есть вечность во мгновение и что Шлейермахер проникает глубже в тайну мироздания, чем Св. Писание. И это хорошо, что все само собою решается, что нет господина, а есть господство, *Herrschaft*, она же *Herrlichkeit*, есть *Selbstbewegung des Begriffes*,⁹ которым Гегель очаровал даже своего непримиримого врага Шеллинга.

Соловьев никогда не говорит, как Шлейермахер, что ему Св. Писание ничего не дало, что он сам все и без Писания знает. Наоборот, он всегда опирается на Библию, для него Библия не обыкновенная книга, а боговдохновенная. Но, как Спиноза и Гегель, он все же убежден, что Библию нужно повести на суд разума. — Много есть ведь священных книг, как и много религий; должен, стало быть, существовать какой-нибудь беспристрастный и бесстрастный судья, который нам скажет, какая из священных книг настоящая и какая религия — истинная. Этот судья один для всех — и для Шеллинга, и для Гегеля, и для Спинозы, и для Соловьева — отказать ему в повиновении нельзя, ибо *quam aram parabit sibi qui majestatem rationis laedit*.¹⁰ А *ratio* — мы уже знаем — есть те «законы», неизвестно когда и откуда пришедшие, власть

которых держится тем, что никто не смеет их спросить, почему им дано неограниченно господствовать над людьми и мирозданием.

И, когда Соловьев вслед за Спинозой или вместе с ним хочет составить «понятие о Боге», он обращается к тому же судье, к которому за решениями ходил Спиноза. И, конечно, слышит тот же приговор, какой услышал и Спиноза. Этот судья сказал Спинозе, что библейский Бог есть Бог невежественных и суеверных людей, наивно перенесших на Бога черты, которые они наблюдали в себе самих, и что задача философии во что бы то ни стало рассеять это заблуждение. Соловьеву тоже уже поневоле приходится бороться с тем же заблуждением и искать для библейского Бога более совершенного, соответствующего требованиям разума, преемника. Достигает он этого путем таких же рассуждений, какие мы сейчас слышали от Шлейермахера.

ХІІІ

Мы помним, что для Шлейермахера путь к истинной религии есть преодоление в человеке личности и истинный Бог для него тоже есть Бог, в котором стерлись все индивидуальные черты. В этом он является верным учеником Спинозы, на которого он буквально молился. Мы помним тоже, что Шеллинг и Гегель, хотя они и уверяли, что далеко обогнали Спинозу, в этом смысле до конца жизни оставались правоверными спинозистами. И для них — начало премудрости есть отвращение к своей самости. То же мы слышали и от Соловьева. Он всегда проповедовал, что идеал человека есть отречение от себя и своей воли и видел в таком отречении путь к высшему достоинству и назначение человека.

В статье «Понятие о Боге» он вновь повторяет все эти знакомые нам общие места философии, ссылаясь даже (в этой статье, вопреки обыкновению, Соловьев всего один раз ссылается на Писание) на будто подтверждающие их евангельские тексты, «кто бережет душу свою, тот погубит ее, а кто теряет душу свою, спасет ее» и делает отсюда вывод: «что мы обыкновенно называем нашим Я или нашей личностью, есть не замкнутый в себе полный круг жизни, обладающий собственным содержанием, сущностью или смыслом своего бытия, а только носитель или подставка (hypostasis) чего-то другого, высшего». В Писании душа нигде не называется подставкой, а в тех местах Евангелия, на которые хочет опереться Соловьев, везде сказано «кто потеряет свою душу ради Меня», т. е. ради Бога, что придает им совсем другой смысл. Но и не это самое важное. Важно, что, называя человеческую личность подставкой, Соловьев подготавливает нас ко второму, более существенному, я бы сказал, роковому, выводу: «Если в человеке, — пишет он, — личность есть только подставка другого, высшего, то правильно ли будет отвлеченное от нашей личной жизни понятие переносить на это другое, высшее, в котором наша личность может и должна сохраниться, только отдавшись ему и вступив с ним в не испытанную нами полноту соединения? Не следует ли это высшее, т. е. Божество, по необходимости признать Сверхличным?»¹¹ «Правильно», «следует по необходимости» — кто создал эти правила, кто установил такую необходимость? В Писании таких правил и такой необходимости — и в помине нет. Так говорил Шлейермахер, но он сам признался, что нашел свою «религию» не в Писании. Так говорил Спиноза, на которого Шлейермахер променял Писание, но Спиноза тоже считал, что Библия хороша для невежественных и суеверных людей, а сам за своими истинами ходил туда, где решались судьбы перпендикуляров и треугольников. Соловьев, очевидно, соблазнился — пошел туда, куда его повел Спиноза. «Божество, — продолжает он, — не безлично, не бессознательно, не безвольно... Самый положительно религиозный человек сейчас же поймет нас и

согласится с нами, если мы ему скажем, что Божество хотя и мыслит, но совсем не так, как мы, что оно хотя имеет сознание я волю, но совсем не такие, как наши, и т. д.»¹² Всякий ли религиозный человек согласится — это, конечно, слишком сильно сказано: пророки и апостолы наверное бы не согласились. Это чувствовал и Спиноза, выразивший ту же мысль много лучше и глубже: «воля и разум Бога, — писал он, — имеют столько же общего с волей и разумом человека, сколько созвездие Пса с псом, лающим животным». Я говорю, что Спиноза выразил свою мысль много лучше и глубже, ибо в его словах вы слышите полный отрыв от Св. Писания и вместе с тем нестерпимую боль, которую он испытал, оторвавшись от того, что было для него словом Божиим. Соловьев даже как будто не подозревает, что кроется в спинозовском «понятии о Боге», и оттого ему не больно. Он думает, что его «правильно». И «следует по необходимости» — т. е. его собственные размышления приведут его к тому же «единому на потребу», к какому «вдохновение» приводило пророков и апостолов — он, вы помните, себя убедил в этом и нас хотел в том же убедить.

Но теперь мы видим, что совсем не к одному и тому же. Пророки пришли к живому Богу, Творцу неба и земли — соловьевские же «правильно» и «следует по необходимости» дали людям множество очень полезных и нужных истин (сумма углов в треугольнике равняется двум прямым и т. д.), но от Бога увели и поставили над людьми вечные, неизменные законы — идеальные, конечно, сущности, — но так же похожие на Бога пророков, как пес, лающее животное, походит на созвездие Пса.

Когда змей прельщал первого человека, он тоже ссылался на всякие «правильно» и «следует по необходимости» — на совокупность тех принудительных принципов мышления, которые, под названием синтетических суждений а priori через много тысяч лет легли в основу «Критики чистого разума». Или, если хотите, висевшие на запретном дереве плоды и были те синтетические суждения а priori, которые, как учил Кант, делают возможным наше познание и дают ему характер всеобщности и обязательности.

Соловьев как будто бы не хочет за синтетическими суждениями а priori признавать решающее значение: «Во всякой действительной религии Божество, т. е. высший предмет благоговения или религиозного чувства, непременно признается, как данное в опыте».¹³ Но ведь и «Критика чистого разума» открывается такими же словами: «Без сомнения, все наше знание начинается с опыта». А потом явились суждения, и они то, как оказывается, преобразовали опыт в познание или истину. Метафизике оттого, как мы помним, было отказано в праве на существование, что она оказалась вне покровительства суждений а priori и, в силу этого, лишена власти над людьми: всякая власть ведь от суждений. И точно, если «предмет религии», т. е. Божество, есть «только» данное в опыте, то кто же поручится, что на смену ему не явится какой-нибудь другой «предмет», тоже данный в опыте? И благоговение тут не поможет, не спасет «Божества». Мало ли пред чем люди не благоговеют! Шлейермахер благоговел пред Спинозой, но Соловьев, конечно, не согласится видеть в Спинозе Божество. Словом, никакой опыт не дает всеобщей и необходимой истины. И ни из какого опыта не «следует», что «Божество сверхлично», ни из индивидуального опыта Спинозы, ни из коллективного опыта буддистов, который призывает на помощь Соловьев. «Божество сверхлично» — это диктуется все теми же синтетическими суждениями а priori или «законами, пришедшими неизвестно когда и откуда», которые прежде уже продиктовали человеку требование о самоотречении и принудили его думать, что «если он скажет: я не хочу своей воли, то это будет его высшим торжеством». Не «опыт», а они, эти законы, предварительно расправившись с человеком, потом набросились и на Бога. И, в самом деле, если эти законы потому законы, что у них нет своей воли, а есть только власть, и если им предоставляется автоматически решать, что есть истина и что

есть добро, то не естественно ли, что они не согласятся позволить кому бы то ни было, а в особенности «Всесовершенному Существо» обладать свойствами, которых у них нет и быть не может? В Писании сказано: будьте совершенны, как Отец ваш Небесный, законы захотели, чтоб Отец Небесный был во всем подобен им. И Соловьев покорился. Он отказался от своей воли, променял ее на благоговение пред бесплотными, но зато бездушными существами и глубоко уверовал, что «нравственная обязанность» всех людей — следовать его примеру... Не есть ли это и в самом деле высшее торжество? Высшее торжество того начала, которое олицетворено в библейском змее? «Теоретическая потребность», потребность *intelligere*, такая естественная и законная, как утверждал Соловьев, сделала то, что плоды с дерева познания добра и зла стали ему милее, чем прочие плоды, которые Бог предложил сперва обитателям Эдема, а потом и всем бесчисленным поколениям людей, от них родившихся. Безличные или сверхличные принципы позвали на свой суд Библейского Бога — и осудили его. Соловьев совершенно спокойно пишет: «понятие о Боге, как единой субстанции всего, логически вытекающее из самого понятия его абсолютности или подлинной божественности (так как, если бы безусловное основание чего бы то ни было находилось вне Бога, то оно ограничивало бы Его и тем упраздняло бы Его божество), — эта истина всеединой субстанции под разными именами исповедовавшаяся язычниками, под настоящим названием Бога Вседержителя исповедуется и христианами в согласии с евреями и мусульманами». И еще раз: «то понятие о Боге, которое дает нам философия Спинозы, при всей своей неполноте и несовершенстве, отвечает первому и неперемennom требованию истинного богопочитания и богомыслия». Но кто и как будет пополнять и исправлять Спинозу? Куда пойдет Соловьев за указаниями? Явно, что туда же, где он узнавал до сих пор все, о чем он нам рассказывал, где он добывал свою религиозную философию. Опять спросит Гегеля или Шеллинга, они ему напомнят, что «безнравственное по самому своему существу учение не может быть философией. Наша обязанность быть убежденным, что все безнравственное само по себе и в своем корне неразумно и, наоборот, то, что познает высший разум по своей сущности, нравственно и должно согласоваться с нравственными требованиями»,¹⁴ и у него явится исходный пункт для размышлений. Но ведь мы уже знаем, к чему такие размышления приводят. И знаем тоже, что они внушены Шеллингу самим же Спинозой. Нравственность и разум потребуют, чтоб человек не плакал, не проклинал и не смеялся, и в награду за это предложат всеединство с венчающим его *intelligere*. Так оно, конечно, и вышло. Усовершенствованное и пополненное понятие о Боге потребовало, вслед за нравственностью, того же, и теоретическая потребность получила полное удовлетворение. Вот что говорит Соловьев о Церкви: «чтобы церкви быть реально основанной и созданной, необходимо ее членам прежде всего так же покорно к ней относиться, как камни относятся к зданию, не спорить с зодчим и не осуждать его планов». Так, буквально так пишет Соловьев. И не думайте, что это случайная обмолвка, *lapsus linguae*.¹⁵ Наоборот, в этих словах выразилось все, что вдохновляло Соловьева и тех, у кого он учился. Человек *qui sola ratione ducitur*¹⁶ и в самом деле не может мыслить до тех пор, пока все, что должно служить предметом его мышления, не превратится в камни, безвольно и безропотно подчиняющиеся всякому на них воздействию. Он убежден, что «зодчий» мироздания так же слаб и беспомощен, как и он сам, и тоже может строить только из мертвого, абсолютно недвижимого и безвольного материала. Как мало похоже это на то, о чем повествуется в Библии! В Библии Бог создал из праха живого человека, а наш разум всеми силами стремится превратить живого человека в бездушный прах — в камень, как говорит Соловьев.

XIV

Таково последнее слово «религиозной философии» Соловьева. Он принял Бога Спинозы. Оправдались слова пророка Даниила (XI, 36): «и возгордится, и превознесет себя выше всякого Божества, и о Боге богов станет говорить чудовищное и будет иметь успех». И ап. Павла: «так во храме Божиим сядет он, как Бог, выдавая себя за Бога» (2-е Посл. Фес. II, 4). Иначе и быть не могло, раз Соловьев поставил себе задачу «оправдать» Бога пред разумом. Пророческому видению открывается совсем не то, что находит *mens ducente ratione*.¹⁷ Ибо пророки спрашивают не там, где спрашивает человеческий разум.

Но последнее слово философии Соловьева не было его последним словом. Как читатель знает, к концу жизни в нем произошла «перемена душевного настроения». Перемена заключалась в том, что он почувствовал совершенную невозможность поклоняться той умозрительной истине, которую он проповедовал в течение своей двадцатипятилетней литературной деятельности. Плоды с дерева познания добра и зла стали ему казаться несущими не жизнь, а смерть. В «Трех разговорах» он пишет: «несомненно, что антихристианство, которое по библейскому воззрению, и ветхозаветному, и новозаветному, обозначает собой последний акт исторической трагедии, что оно будет не простое неверие или отрицание христианства или материализм и тому подобное, а что это будет религиозное самозванство, когда имя Христово присвоят себе такие силы в человечестве, которые на деле и по существу прямо враждебны Христу и Духу Его».¹⁸ Кто же этот самозванец, предсказанный в книгах Ветхого и Нового Завета? Что это за «силы», враждебные Христу и Духу Его? Думаю, что читатель без труда узнает в них ту безличную или сверхличную сущность, *Substantia*, которую Спиноза, а вслед за Спинозой представители немецкого идеализма и Соловьев поставили на место Бога Св. Писания, и поймет, почему при обсуждении религиозной философии Соловьева мы каждый раз неизменно наталкивались на один и тот же вопрос: кто последний судья, к кому обращаться нам с нашими тревогами и сомнениями? К «разуму» — с его принципами и началами, который открыл нам, что сумма углов в треугольнике равняется двум прямым и все прочие бесчисленные истины, составляющие содержание положительных наук, или к Богу, создавшему небо и землю? Обратимся к разуму — получим законченную философию всеединства, удовлетворяющую «теоретическую потребность», дающую обязательные для всех истины и обязательную для всех мораль — в ней же высшее благо человека. Не признаем разума — «мышление» станет невозможным и ненужным, в наших душах зашевелится первозданный хаос и из-за понятных, принудительных истин, послушно передвигавшихся по извечным законам в пределах вселенского единства, вырвутся на волю бесчисленные самости, которые в течение тысячелетий держала в оковах философия, с их неутоленными желаниями, неутешными скорбями, с их *ridere, lugere et detestari*, от которых предостерегал Спиноза.
